

УДК 342.31

doi:10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).06

5.1.2

Популизм, «народ» и народный суверенитет*

Рафаэль Жирар

Колледж социальных наук и международных исследований, Университет Эксете́ра,
Эксете́р, Великобритания, <https://orcid.org/0000-0002-1658-5950>

Аннотация. Одно из главных популистских критических замечаний в отношении либеральной демократии заключается в том, что реальная политическая власть находится не в руках «народа», а в руках «элиты» и «неподконтрольных институтов», которые действуют не в интересах народа, а скорее *правят* им. Другими словами, голос народа исчезает – или, по крайней мере, приглушается – через процедуры, представительство и такие институты, как парламент и судебные органы. Заявленной целью популизма, таким образом, является «возвращение власти народу», в частности с помощью энергичного лидера, а также посредством мажоритаризма и инструментов прямой демократии, включая референдумы и другие плебисцитарные инструменты. Однако на самом деле существует значительный разрыв между *идеями* народного суверенитета, понимаемой как желаемый идеал, и ее реализацией на практике. В данной статье обсуждается этот разрыв и выявляются определяющие черты «идеально-типического» популистского дискурса, особенно в том, что касается народного суверенитета и концепта «народ». Автор утверждает, что популизм имеет две основные характеристики, соотносящиеся с этими двумя ключевыми понятиями. Во-первых, популизм инструментализирует неоднозначную природу понятия «народ». Во-вторых, он продвигает концепцию «народа» как субъекта, стоящего над законом, или *populus legibus solutus est* (народ не связан законами), который, как таковой, в конечном итоге не может быть связан правовыми, конституционными или институциональными ограничениями.

Ключевые слова: народ, популизм, суверенитет, демократия, представительство, мажоритаризм, референдум

Для цитирования: Жирар Р. Популизм, «народ» и народный суверенитет / пер. с англ. Н. Н. Шабаловой, В. А. Токарева // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 3 (42). С. 66–80. DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).06.

* См.: Girard R. Populism, ‘the People’ and Popular Sovereignty // Constitutional Change and Popular Sovereignty: Populism, Politics and the Law in Ireland / ed. by M. Cahill, C. O’Cinneide, S. Ó Conaill, C. O’Mahony. London : Routledge, 2021. Chapter 5.

Перевод с английского языка: Наталия Николаевна Шабалова, АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия); Василий Алексеевич Токарев, канд. юрид. наук, старший научный сотрудник АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия); докторант Университета Бордо (Франция), e-mail: basiletok@gmail.com.

Редактор перевода: В. А. Токарев.

© Girard R., 2023

© Шабалова Н. Н., Токарев В. А., перевод на русский язык, 2023

© Токарев В. А., редактор перевода, 2023

Populism, 'the People' and Popular Sovereignty

Raphaël Girard

School of Law, University of Exeter, Exeter, Great Britain,
<https://orcid.org/0000-0002-1658-5950>

Abstract. One of the main populist critiques of liberal democracy is that real political power does not truly reside in “the people,” but in the hands of “elites” and “unaccountable institutions,” which do not act *for* “the people,” but rather rule *above* them. In other words, the voice of the people disappears – or at least, is muted – through procedures, representation and institutions such as Parliament and the judiciary. The avowed aim of populism, therefore, is to “give government back to the people,” notably through a vigorous leader, but also through majoritarianism and means of direct democracy, including referendums and other plebiscitary instruments. Yet, there appears to be an important gap between the *idea* of popular sovereignty, understood as an aspirational ideal, and its *realization* in practice. This chapter discusses this divide and identifies, from a liberal constitutionalist perspective, the defining features of the “ideal-typical” populist discourse, particularly as they relate to popular sovereignty and the concept of “the people.” It argues that populism has two main characteristics that relate to these two key concepts. First, populism instrumentalizes the ambiguous nature of the notion of “the people.” Second, populism puts forward a conception of “the people” as an entity above the law, or *populus legibus solutus est*, which, as such, cannot ultimately be bound by legal, constitutional or institutional constraints.

Keywords: people, populism, sovereignty, democracy, representation, majoritarianism, referendum

Содержание

Введение

I. Кто такой «народ»? Популистская инструментализация неоднозначного понятия

A. Неоднозначная природа понятия «народ»

Б. «Народ» как *единство*: популизм как антиплюрализм

В. «Другой» как основополагающий элемент идентичности народа

II. Суверенный народ (или нация) как конечный источник власти

A. Популистская концепция суверенитета

Б. Популизм и «общая воля»

В. Может ли «народ» институционализироваться как суверен в правовом смысле?

Заключение

Народ подобен Янусу: он одновременно представляет опасность и возможность. Он угрожает политическому строю и в то же время является его основой

П. Розанваллон¹

Введение

Многие либеральные конституции посвящены народу и учреждены во имя «народа». Можно вспомнить, например, преамбулы конституций Соединенных Штатов Америки, Германии и Ирландии. В том же духе во многих конституциях содержатся важные обещания относительно осуществления народного суверенитета, например посредством заявлений о том, что политическая власть исходит от народа и, в конечном счете, находится «в руках народа». Одна из таких конституций – Конституция Ирландии, принятая в 1937 году в результате плебисцита. Статья 6 (1) этого документа пред-

¹ Rosanvallón P. Democracy Past and Future. New York, NY : Columbia University Press. 2006. P. 84–85. Оригинальное высказывание (на французском языке) см.: [Rosanvallón 1998, p. 33].

усматривает, что «все полномочия правительства, законодательные, исполнительные и судебные, исходят с Божьей помощью от народа, правом которого является назначение правителей государства и решение в последней инстанции всех вопросов национальной политики, согласно требованиям общего блага»².

Между тем многие популисты по всему миру заявляют, что обещания касательно осуществления народного суверенитета, содержащиеся в этих либеральных конституциях, так никогда и не были материализованы на практике. Фактически, одно из главных популистских критических замечаний в отношении либеральной демократии заключается в том, что реальная политическая власть находится не в руках «народа», а в руках «элиты» и «неподконтрольных институтов», которые действуют не *в интересах* народа, а, скорее, *правят* им³. Другими словами, голос народа исчезает – или, по крайней мере, приглушается – под влиянием процедур, представительства и таких институтов, как парламент и судебные органы. Таким образом, заявленной целью популизма является «возвращение власти народу» (см., например: [Ludis 2016]), в частности с помощью энергичного лидера, а также посредством мажоритаризма и инструментов прямой демократии, включая референдумы и другие плебисцитарные инструменты. Особенно ярко это выражено в словах венгерского президента Виктора Орбана, который сказал: «Людей [*emberek*] обманывают, вводят в заблуждение... Поэтому сегодня народ не может полагаться на *непрямую демократию*. <...> Другая возможность – обратиться к *прямой демократии* вместо косвенной. Это референдум... Я как народ, как электоральный гражданин, должен решать. Не через политиков»⁴.

Однако, как будет показано в этой статье, существует значительный разрыв между *идеей* народного суверенитета, понимаемой как желаемый идеал, и ее реализацией на практике. Во-первых, понятие «народ» слишком неоднозначно для его институционализации в юридическом смысле. Популисты склонны эксплуатировать такую неоднозначность, принимая антиплюралистическую и ограничительную концепцию «народа». Популистские дискурсы апеллируют к исключенному *народу-как-части* (т. е. «простым», «обычным» или «забытым» «людям/народу»); при этом они имплицитно заявляют, что взывают к власти *народа-как-целого* [Canovan 2005, p. 90]. Во-вторых, популисты часто пытаются отвлечь внимание от неоднозначной природы «народа», делая особый акцент на *осуществлении* народного суверенитета через мажоритаризм и плебисцитарные инструменты. Тем самым они смешивают понятие «народ» с понятием *временного* большинства, т. е. с электоральным большинством в определенное время и в определенном месте, чьи действия нельзя приравнять к действиям суверенного народа, или *народа-в-целом*.

Цель этой статьи – выявить и объяснить определяющие черты «идеально-типического» популистского дискурса с позиции либерального конституционализма, особенно в том, что касается народного суверенитета и концепции «народ». Будет доказано, что популизм имеет две основные характеристики, соотносящиеся с этими двумя ключевыми понятиями. Во-первых, популизм инструментализирует неоднозначную природу понятия «народ». Во-вторых, он продвигает концепцию «народа» как субъекта, стоящего над законом, или *populus legibus solutus est* (народ не связан законами), который, как таковой, в конечном итоге не может быть связан правовыми, конституционными или институциональными ограничениями. Соответственно структурировано содержание данной статьи. Первая часть посвящена обсуждению неоднозначного кон-

² См. также статью 2 Конституции Свободного государства Ирландия (Saorstát Eireann, 1922).

³ Эта идея явно выражена в положении о цели судебной реформы в Польше, которая заключается в том, чтобы «сделать судей равными людям, а не стоящими над ними» (см.: [Scisłowska, Gera 2017]).

⁴ См.: Debreczeni J. Arcmász. Budapest : Noran-Libro Kiadó, 2009. P. 336 (цит. по: [Kim 2018]).

цепта «народ» и его инструментализации популистами; во второй части исследуется популистская концепция суверенитета и рассматривается вопрос о том, может ли «народ» быть институционализирован в качестве суверена в юридическом смысле.

I. Кто такой «народ»? Популистская инструментализация неоднозначного понятия

A. Неоднозначная природа понятия «народ»

Большинство популистских движений утверждает, что «конечным источником власти является суверенный народ; что вся легитимная политическая власть основана на возможности отнять легитимность у одного режима и даровать ее другому» [Canovan 2005, p. 84]. Эта идея не нова. В современной конституционной мысли постоянно звучит тема о том, что политической властью в конечном итоге распоряжается «народ» [Loughlin 2014, p. 218]⁵. Но кто же такой «народ»?

Существует некая неопределенность концепции «народа» как конечного источника власти (см., напр.: [Jaume 2014, p. 43]). В рамках популистской логики понятие «народ» и те, к кому оно относится, представляются очевидными: народ следует отличать от значимых «других», включая элиту, правящий класс и иных обладателей власти, иностранцев и СМИ⁶. Для популистов народ – это «простые», «обычные» или «забытые» люди государства, или «молчаливое большинство». Они рассматриваются как «чистые люди» (в отличие от «коррупцированной элиты»), чья единая воля и общие личные интересы в значительной мере игнорируются политической, социальной, институциональной и экономической элитой. Таким образом, популистское определение народа является, с одной стороны, ограничительным: популисты апеллируют к исключенным людям, «народу-как-части (т. е. к «простым» людям, о которых мы упоминали выше)» [Canovan 2005, p. 90]. Тем не менее в моменты мобилизации исключенного народа-как-части они имплицитно заявляют, что призывают к власти большего *народа-как-целого* [Ibid.]. Поэтому популисты утверждают, что они представляют единую и неделимую волю народа, (единый) общий интерес «народа», концептуально измененного на народ-как-целое, или на единство.

Впрочем, с точки зрения либерального конституционализма, претензии популистов на представление единой воли народа, в лучшем случае, ограничены. Первый немаловажный нюанс популистской претензии связан с неясным по своей сути характером самого понятия «народ» (см., напр.: [Mény, Surel 2002, p. 6]). Говоря о «народе», популистские лидеры объединяют в единое целое три разных концепта, а именно: (1) «революционный» народ, или народ как *pouvoir constituant* (обладатель учредительной власти. – *фр.*); (2) «электоральный» народ, или электорат в целом; и (3) «репрезентативный» народ, или временные большинство. С точки зрения права эти три понятия отличаются как концептуально, так и по составу.

Во-первых, понятие «революционного» народа, или народа как *pouvoir constituant*, отсылает к народу как конечному обладателю суверенитета или политической власти. Это абстрактное, коллективное, полное достоинства и мифическое образование, которое становится заметным исключительно в революционные, судьбоносные моменты (см., напр.: [Canovan 2005, p. 121]), и часто появляется задним числом. Во-вторых, понятие «электоральный» народ, или электорат, отражает субъекта, отличающегося большей материальностью и представляющего сумму всех избирателей (обычно это граждане в возрасте 18 лет и старше) данного государства. Он включает людей различных происхождений и взглядов. Это «собрание обычных, постоянно меняющихся людей со своими отдельными жизнями, интересами и взглядами» ([Ibid., p. 6]. См. также:

⁵ По этому поводу, например, в «Двух трактатах о правлении» Джон Локк утверждает, что «ни одно правительство не является легитимным, если на это нет согласия народа» (см.: [Locke 2016, p. viii]).

⁶ Другие вариации включают сюда олигархов, иммигрантов, некоренных жителей, представителей зарубежных вооруженных сил и т. д.

[Canovan 2004, p. 250]). В-третьих, понятие «репрезентативный» народ, или *временное* большинство, относится к электоральному большинству в конкретное время и в конкретном месте, что выражается в результатах референдумов или выборов избранных представителей. Такой «народ» *временный* по определению: существует и действует только во время выборов или референдумов и через избранных представителей в течение срока их полномочий.

Согласно популистской риторике различия между этими тремя народами исчезают, они смешиваются в единый концепт, понимаемый в качестве *народа-как-целого*. Например, некоторые британские политики использовали результаты референдума о членстве Соединенного Королевства в Европейском союзе 2016 года («референдум по Брекситу»), в котором 51,89 % отдали свои голоса за выход Британии из Евросоюза, для заявления о том, что «народ сказал свое слово» или что результаты референдума были «волей [британского] народа» (см., напр.: [Beer 2016]). В Белой книге, представленной парламенту в феврале 2017 года, бывший премьер-министр Великобритании Тереза Мэй даже подчеркнула, что у нее есть «сила и поддержка 65 миллионов человек», готовых сделать Brexit реальностью [The United Kingdom's exit ... 2017, p. 3]. Тем не менее результаты выборов и референдумов обычно являются результатами волеизъявления *временного* большинства (т. е. множества или большинства избирателей в определенный момент), а не волеизъявлением народа как обладателя учредительной власти (ниже мы подробнее рассмотрим этот вопрос). Таким образом, популистской риторике часто удается инструментализация понятия «народ». В конкретное время призывая к авторитету *народа-как-целого* на основе временного большинства, популистские лидеры стремятся использовать неоднозначную природу понятия «народ» для повышения легитимности того или иного политического акта или исхода выборов. Другими словами, популисты склонны полагаться на эмпирические (и неполные) проявления народа, например временного (электорального) большинства, чтобы призвать власть «народа» в его мифическом смысле, т. е. народа как *corpus mysticum* (мистическое тело. – лат.), своего рода вымышленного или юридического коллективного лица с единым телом (и единой волей)⁷.

Б. «Народ» как *единство*: популизм как антиплюрализм

В этом же духе еще одно существенное ограничение популистских притязаний на народный суверенитет касается *монистической* (или *антиплюралистической*) концепции народа. Согласно логике популизма, «народ» может существовать исключительно как политическое *единство*, единое целое, поскольку у него имеются общий интерес и единая воля. Эта идея прослеживается в трудах таких мыслителей, как аббат Сийес⁸, Жюль Мишле (см.: [Michelet 1974]) и особенно Карл Шмитт [Mudde, Kaltwasser 2017, p. 18]. Согласно шмиттовской концепции, общая воля зиждется на единстве людей. Такое единство, в свою очередь, основано на однородной концепции народа; те, кто не принадлежат к этому монолитному народу, исключаются из него⁹.

⁷ Kantorowicz E. H. The King's Two Bodies: A Study of in Medieval Political Theology [1957]. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1997. P. 209 (цит. по: [Müller. Populism and Constitutionalism 2017, p. 595]). См. также проведенный Клодом Лефором анализ изображенного Канторовичем образа тела короля, совмещающего в себе два тела (одновременно смертное и бессмертное, индивидуальное и коллективное) [Lefort 1986, p. 302].

⁸ «Ассимиляция людей – это первое условие великого национального воссоединения в единый народ» (см.: Sieyès E.-J. Sur le projet de décret pour l'établissement de l'instruction nationale // Journal d'instruction sociale. 1793. 6 July. No. 5 (цит. по: [Rosanvallon 1998, p. 39]. См. также: [Rosanvallon 2006, p. 90])).

⁹ Например, в «The Liberal Rule of Law» Шмитт писал, что «любая демократия требует полной гомогенности людей. Только такое единство может взять на себя политическую ответственность. Если, как в случае с сегодняшним государством, мы имеем дело с гетерогенным народом, то возникает задача интеграции этой массы в единое целое. Истинный демократический метод не является методом интеграции разнородных масс. Однако сегодня граждане разделены во многих отношениях –

Популистский акцент на унификации народа, а точнее, «настоящего», «истинного» или «забытого» народа, является в некотором роде *исключающим*: он требует «извлечения» (см.: [Lefort 1988, p. 79]) «морально чистых граждан» из массы граждан, населяющих данное государство. Говоря иначе, народ, согласно популистской логике, должен быть очищен, а неоднородные компоненты удалены. В результате те, кто не принадлежит к такому однородному целому (состоящему из «настоящего», или морально «чистого», народа), или те, кто не поддерживает его, не принадлежат к политическому сообществу, исключаются из него; политические оппоненты и соперники, в свою очередь, считаются нелегитимными, коррумпированными и/или некомпетентными. В терминологии популизма «народ» определяется как *communitas* (общность. – лат.) и по этническим, религиозным, языковым (иногда социально-экономическим) признакам, которая действует в направлении реализации «всеобщего блага»¹⁰.

В качестве иллюстрации исключительной природы популистского понятия «народ» приведем заявление Найджела Фараджа о том, что результаты британского референдума о выходе страны из Евросоюза были «победой для *настоящего* народа» (*курсив автора статьи*) [Müller. What is Populism? 2017, p. 21–22] (тем самым исключая из него часть населения, проголосовавшую против). Еще один пример – утверждение президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана о том, что турецкие граждане, протестовавшие в парке Гези в 2013 году, не являлись частью народа [Müller 2014, p. 487]. Пожалуй, в еще более резкой форме высказался Дональд Трамп во время президентской кампании 2016 года, отметив, что «самым важным является объединение народа, а все *остальные* люди не имеют никакого значения» (*курсив автора статьи*) [Müller. What is Populism? 2017, p. 22].

Впрочем, по мнению Пьера Розанваллона, популисты чрезмерно упрощают концепт «народ», когда они прямо или косвенно заявляют, что «народ» представляет собой аутентичную или объединенную (а иногда и очищенную) часть общества, возникающую, вступающую в противостояние с другими космополитическими группами или олигархиями, которые являются частью данного общества. Фактически, народ или общество нельзя определить отрицательно. Вопреки мнению К. Шмитта (см., напр.: [Schmitt. The Liberal Rule of Law 2000, p. 299–300]), вовсе не простое устранение или вытеснение олигархий или определенных групп общества, в частности «элиты», иностранцев и т. д., приведет к появлению «народа» как единой массы с общей, неразделенной волей [Rosanvallon 2011]. Для Шмитта понятие «народ» (или общий интерес) должно охватывать общество в целом, а не только большинство электората. П. Розанваллон утверждает, что популистская концепция демократии опирается в этой связи на некую форму вымысла, а именно: избирательное большинство представляет общество в целом [Ibid.]. С позиции либерального конституционализма, вероятно, народ не может существовать как единое целое, а только посредством широкого спектра частичных проявлений. Каждое из этих проявлений имеет свою собственную уникальную индивидуальность, отражающую идентичность сообщества и разнообразие его граждан [Abts, Rummens 2007, p. 413].

В общем, популисты представляют народ как единое целое, которое говорит одним голосом [Corrias 2016, p. 19]. Все же это понятие, вероятнее всего, полностью или частично ограничено, поскольку «народ», на который ссылаются популистские лидеры, слишком часто является лишь «искусственно созданным подмножеством всего населения» [Mudde 2004, p. 546]. Это сконструированное подмножество не отражает плюралистическую природу сообщества, разнообразие населяющих его людей. Более того, многие сторонники либерального конституционализма разделяют мнение о том,

в культурном и социальном плане, по классовому, расовому и религиозному признакам. Поэтому решение нужно искать вне этого демократического политического метода, иначе парламент сам станет трибуной, подчеркивающей противоречия» (см.: [Schmitt. The Liberal Rule of Law 2000, p. 299–300], а также: [Schmitt. The Crisis of Parliamentary Democracy 2000, p. 9]).

¹⁰ См. раздел II(б) этой статьи.

что голос народа (или выражение его политической власти) лучше слышится не через аккламацию или волю авторитетного лидера, а, скорее, вопреки популистским утверждениям, его можно услышать через обсуждение, компромиссы и институциональные договоренности. Как заметил Юрген Хабермас, «народ, от которого предположительно исходит вся государственная власть, не является субъектом, наделенным волей и сознанием. Он существует только во множественном числе, и как народ он не способен ни принимать решения, ни действовать как единое целое» [Habermas 1996, p. 469]. Это означает, что в определенных ограниченных обстоятельствах суверенный народ может (снова) появиться (см. подробнее ниже).

В. «Другой» как основополагающий элемент идентичности народа

Следует отметить, что популистская концепция народа как единого целого не обязательно означает *Artgleichheit*, т. е. расовую однородность или идентичность [Müller 2014, p. 486]. Известно, что многие европейские популистские партии правого толка в действительности приняли нативистскую, расистскую концепцию народа (исключающую некоренных жителей и иммигрантов). В то же время популистские партии и лидеры во многих странах, особенно Южной Америки, руководствовались инклюзивностью (а в некоторых случаях – мультикультурностью) в своих определениях народа. Например, статья 1 боливийской Конституции, обнародованная тогдашним президентом Эво Моралесом в 2009 году, гласит, что Боливия является «многонациональным», «межкультурным» и «децентрализованным» государством, «основанным на плюрализме и политическом, экономическом, юридическом, культурном и языковом плюрализме» (см.: [Bolivia ... 2018, p. 6]). Аналогичным образом, в преамбуле Конституции Венесуэлы признается «мультиэтнический и мультикультурный» характер венесуэльского общества (см.: [Venezuela (Bolivarian Republic of)'s Constitution ... 2017, p. 5]).

Однако популистские концепции «народа» и правых и левых роднит то, что они обе требуют сотворения «Другого». Как утверждал Клод Лефор в дискуссии о демократии и тоталитаризме, «народ как единое целое может быть представлен и подтвержден только великим Другим» [Lefort 1986, p. 287]. Этот Другой, или враг, является «основополагающим элементом идентичности народа» [Ibid.]. Конечно, состав популистского Другого может варьироваться. Как следует из вышесказанного, имеются существенные отличия между европейским (правым) популизмом и латиноамериканским левым популизмом, особенно в отношении состава «народа» и, соответственно, популистского Другого. Как резюмировал Кальтвассер, «[европейские] популистские лидеры склонны определять “народ” в этнических терминах, в то время как латиноамериканские популистские силы имеют тенденцию рассматривать “народ” как социально-экономического аутсайдера» [Kaltwasser 2014, p. 209]. Хотя состав популистского Другого может меняться в зависимости от региона и социальноэкономических условий, он почти неизбежно включает в себя «элику», особенно экономическую, политическую элику и других обладателей власти, которые противопоставляются «настоящему», или «чистому», народу. Как указывал Альберт Уил, за обоими понятиями (и «народ», и «элика») скрывается поверхностная множественность, но референция в обоих случаях единична (см., например: [Weale 2018, p. 34–35]).

С их способностью определять, кто является частью народа, а кто *нет* (соответственно, Другим, или врагом), популисты определяют границы «народа» как конструкта. По словам Эрнесто Лакло, «популистский дискурс не просто *выражает* некую исходную идентичность народа; он фактически *формирует* ее» ([Laclau 2005, p. 48]. См. также: [Laclau 2007, p. 68]). Эта конституирующая функция производится с помощью способа идентификации. В терминологии Франциско Паници, последний «требует перформативную прорисовку внутренней границы отчуждения внутри общества»: народ, в известном смысле, «парциальный компонент общества (плебс), который, тем не менее, стремится быть воспринимаемым как единственная легитимная совокупность

(демос)» [Panizza 2017, p. 6]¹¹. По Паницци, этот процесс осуществляется за счет популистского лидера, который апеллирует к членам сообщества, чувствующими себя, в политическом смысле, исключенными из политической системы, и возводит их в статус (единственных) легитимных носителей суверенитета [Ibid.]. Часто такой лидер претендует на «особые отношения и взаимопонимание с людьми, позволяющими ему продвигать их интересы, и при этом не становится пленником сильных мира сего» [Ibid., p. 22].

С внутренней точки зрения границы понятия «народ» формируются популистским дискурсом, который почти всегда сопровождается созданием Другого, или врага. Вместе с тем популистская концепция «народа» (как *единого целого*) имеет тенденцию быть сингулярной, чрезмерно жесткой и пренебрегать плюралистической природой общества. С внешней точки зрения верно то, что народ, как носитель высшей политической власти, может учреждать и формировать демократические институты. Однако популисты часто не признают, что народ не только конституирует эти институты, но и сам образуется с их помощью ([Riofrancos 2017], см. также: [Weale 2018, p. 36]: «Народ формируется посредством деятельности государства»). В качестве примера можно вспомнить американский народ, который сам был сформирован принятием Конституции Соединенных Штатов (см.: [Morgan 1989, p. 267]). Другими словами, «народ», как *pouvoir constituant*, может низвергнуть и действительно низвергает установленный порядок, принимает (новую) конституцию и формирует демократические и представительные институты. Но создание границ понятия «народ» (т. е. тех, кто входит в его состав, и тех, кто не входит) требует наличия сложившегося правового и политического порядка с собственным набором процедур и институциональных инструментов – и в любом случае эти границы никогда не будут полностью сформированы и уточнены. И правда, с точки зрения либерального конституционализма, поскольку демократия «во многом является непрерывным политическим соревнованием по определению народа и его полномочий», границы понятия «народ», подобно национальной территории, также могут «быть сжаты и защищены или же нарушены и расширены исключенными» [Riofrancos 2017]. Воля народа-как-целого, таким образом, эфемерна и иллюзорна, и как таковая сложна для толкования. По словам Паулины Очоа Эспеха, «если народ может (и, возможно, будет) меняться, тогда апелляция к его воле также является ошибочной, временной и неполноценной» [Ochoa Espejo 2014, p. 61]. Воля народа, словом, немного больше, чем миф (см.: [Weale 2018, p. 34–35]), или иногда, в долгосрочной перспективе, «самосбывающееся пророчество», особенно когда конституционные органы и процедуры захватываются, формируются или преобразуются популистами¹².

II. Суверенный народ (или нация) как конечный источник власти

A. Популистская концепция суверенитета

Еще одним характерным элементом популистской риторики является понимание понятия суверенитета. В терминах модернистской концепции суверенитет представляет собой «полную неотделимость от государства»¹³. Это выражение публичной власти посредством «основ конституционных принципов, согласно которым распределяются законодательные, исполнительные и судебные полномочия государства между назначенными институтами» [Loughlin 2003, p. 84]. В таком случае правовую систему и кон-

¹¹ Часть этой статьи опубликована в работе [Panizza 2016].

¹² Популисты, вроде Allianz für Deutschland (AfD) в Германии, «склонны изначально отождествлять свои цели и методы с “истинной волей народа”, тем самым создавая опасность того, что если они придут к власти, то могут воспользоваться ею для превращения своей самоидентификации с “волей народа” в самоисполняющееся пророчество и преобразовать конституционные институты и процедуры в инструменты своей собственной власти» [Steinbeis 2019].

¹³ «La Souveraineté est du tout inseparable de l'Estat» (см.: Loyseau Ch. Traicté des Seigneuries. Paris : Abel l'Angelier, 1614. P. ii.4 (цит. по: [Loughlin 2003, p. 73])).

ституцию можно рассматривать в качестве таковых как проработку правового суверенитета через институциональные механизмы [Loughlin 2003, p. 84].

На первый взгляд популистская концепция суверенитета во многом похожа на концепцию модернистов. Например, в обоих случаях выдвигается идея, восходящая к XVIII веку и французскому революционному дискурсу, о том, что полномочия последнего слова для выражения политической власти заключены в политической воле «нации»¹⁴ или согласии «народа» (см., например: [Jackson 2013]). Возьмем в качестве иллюстрации слова Томаса Пейна, который так выразился в работе «Права человека»: «Нация по своей природе является источником суверенитета; ни один человек и ни одна группа людей не может претендовать на какие-либо полномочия, которые не исходят от нации» [Paine 1791]. Аналогичным образом, французская Конституция 1791 года, опираясь на трактат Ж.-Ж. Руссо (см.: [Rousseau 1986, p. 139, 153–155]), провозгласила, что «суверенитет един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем; он принадлежит нации; ни одна группа не может приписывать себе суверенитет, ни один человек не может присваивать его себе»¹⁵.

Отличие популистского понятия суверенитета от модернистского (или либерального конституционализма) состоит в том, что в рамках видения популизма суверенитет сосредоточен «непосредственно [и только] в “нации” или народе, который остается в конечном итоге не скованным законом» [Blokker 2019, p. 550]. Иначе говоря, в рамках популистской концепции суверенитета «народ» действует не только как *pouvoir constituant*, но как субъект, стоящий над законом, или *populus legibus solutus est*, свободный от каких-либо правовых, конституционных или институциональных ограничений. В соответствии с логикой популизма, либеральная демократия фрагментирует суверенитет посредством процедур и институтов. Поскольку суверенитет, в конечном счете, принадлежит народу или нации, популизм отвергает «разделенный» суверенитет либерализма, точнее, характерные для него юрисдикционное разделение полномочий и конституционные ограничения, налагаемые на политическую власть. Для популистов суверенитет не возникает «изнутри эмпирического, современного, реально существующего общества как такового». Скорее, его «внесоциальные трансцендентные истоки находятся в народе или “вечной нации”, которые, в свою очередь, представлены или воплощены популистским лидером» [Blokker 2019, p. 550]. Популисты, таким образом, стремятся к рецентрализации политической власти в руках народа (или популистского лидера, выдающего себя за народ). При этом либеральные институты, включая судебные органы, считаются нелегитимными препятствиями для волеизъявления народа ([Ibid.], см. также: [Krastev 2018]).

Кроме того, популисты и некоторые либеральные конституционалисты отказываются признавать *реляционную* природу суверенитета. Как указывал Мартин Лафлин, «было бы ошибкой полагать, что суверенитет сосредоточен в определенном месте, будь то король, народ или такой институт, как парламент» [Loughlin 2003, p. 83]. Вместо этого, «политическая власть порождается особыми отношениями, которые развиваются между сувереном и субъектом, правительством и гражданами» [Ibid., p. 81]; она «становится публичной властью только тогда, когда принимает институциональную форму» [Ibid., p. 78]. Следуя той же логике, конституциональные препятствия, включая контрмажоритарные проверки мажоритарной политики, не следует рассматривать просто как ограничения осуществления государственной власти; они, скорее, одновременно действуют и как метод генерирования политической власти ([Loughlin 2003, p. 86], см. также: [Arendt 1958, p. 201; Holmes 1995]). Другими словами, установление формальных конституционных рамок является осуществлением учредительной власти «народа» или «нации» для формирования системы правления. Понимаемое таким об-

¹⁴ Различие между «народом» и «нацией» не является существенным для данной дискуссии. По словам Розанваллона, «мы имеем в виду не социологическую реальность, а историческую и политическую силу» (см.: [Rosanvallon 1998, p. 41]).

¹⁵ Французская конституция 1791 года (цит. по: [Jackson 2013, p. 93]).

разом распределение государственной власти по трем сферам – законодательной, исполнительной и судебной, учрежденное посредством официальной конституционной основы, следует рассматривать не как «разделение» суверенитета, а как его выражение или совершенствование [Loughlin 2003, p. 84].

Б. Популизм и «общая воля»

Понятие народного суверенитета, которым руководствуются популистские лидеры, перекликается с концепцией Жан-Жака Руссо, изложенной в трактате «Об общественном договоре». В известном смысле, популисты предпочитают полагаться на концепцию народного суверенитета, придающую особое значение *volonté générale* (общая воля) – идее о том, что люди могут действовать в унисон и править как суверен [Jackson 2013, p. 94], действуя «исключительно на основе общих интересов» [Rousseau 1986, p. 153]. Общую волю, которая фокусируется на «общих интересах» и «тяготеет к равенству» [Ibid., p. 154], необходимо отличать от *volonté de tous* (воля всех), «учитывающей частные интересы и представляющей собой простую совокупность частных волей» [Ibid., p. 155]. В отличие от частной (отдельной) воли, которая может ошибаться, общая воля объективна и непогрешима: «общая воля всегда права и всегда стремится к общественной пользе» [Ibid.]. Более того, согласно концепции Ж.-Ж. Руссо, общая воля не может быть выражена парламентом; она является фундаментальным законом, который не может быть установлен каким-либо учреждением. В общем, Руссо трактовал суверенитет как «осуществление общей воли» [Ibid., p. 153], неотчуждаемый [Ibid.] и неделимый [Ibid., p. 154].

Мысль о том, что общая воля является источником суверенитета (не сдерживаемая институтами), привлекательна для популистов особенно потому, что они отвергают либеральные (или внешние) ограничения народной воли. Для Карла Шмитта «общая воля Руссо обладает богоподобным достоинством, связывая воедино власть и справедливость; она – неограниченный и неограничиваемый законодатель, источник законов государства, подобно тому как Бог – источник законов природы; она неделима, неразделяема, нерушима, морально чиста, не способна на ошибку или даже на желание ошибиться»¹⁶. Опираясь на концепцию суверенитета Руссо, популисты ссылаются на авторитет «народа», утверждая, что результат голосования на выборах является «общей волей» народа, и тяготеют к подчеркиванию его природы как «неотъемлемой» [Rousseau 1986, p. 153], «неделимой» [Ibid., p. 154] и «не способной ошибаться» [Ibid., p. 155].

Но такая концепция общей воли, видимо, ошибочна. Общая воля вовсе не численное большинство. По словам Руссо, «волю делает общему не столько количество голосов, сколько общие интересы, объединяющие их» [Rousseau 1986, p. 158]. Кстати, как заметил Ян-Вернер Мюллер, формирование руссоистской общей воли требует действительного участия граждан – и, вероятно, *всех* граждан (*курсив автора статьи*) [Müller. What is Populism? 2017, p. 29]. Однако, как демонстрирует характеристика голосования по Brexit в качестве «воли народа»¹⁷, популистские лидеры склонны отождествлять «суверенный народ» с преходящим, временным (избирательным) большинством в конкретный момент времени. Иначе говоря, популисты путают общую волю, трактуемую как «способность людей объединяться в сообщество и создавать законы для обеспечения общих интересов», с «волей всех», понимаемой как «простая сумма отдельных интересов в определенный момент времени» [Mudde, Kaltwasser 2017, p. 16]. В действительности общая воля не возникает в результате выборов (или референдума); она самоутверждается с течением времени (*la volonté générale se construit dans le temps* – общая воля формируется со временем. – *фр.*) [Rosanvallon 2011].

¹⁶ Schmitt C. Die Diktatur. Berlin : Duncker & Humblot, 1994. P. 118–119 (цит. по: [Arato 2014, p. 33]).

¹⁷ См. выше, в частности раздел I(a) этой главы.

В. Может ли «народ» институционализироваться как суверен в правовом смысле?

С точки зрения либерального конституционализма ограничение популистской концепции народного суверенитета состоит в том, что народ как конечный носитель политической власти вряд ли может быть институционализирован как суверен в правовом смысле. Народ слишком спорадичен и никогда не бывает достаточно всеохватным, чтобы его официально признали в качестве «законного» суверена (см.: [Canovan 2005, p. 90]). Идея «народа-суверена» относится к двум связанным, но отличающимся друг от друга структурам. С одной стороны, она обозначает группу преходящих индивидов, тех, кто населяет государство в данное время; с другой стороны, она обозначает более широкое «коллективное образование, которое сохраняется в поколениях» [Ibid., p. 7]. Вторая структура по своим характеристикам более абстрактна и таинственна; она относится к коллективной абстракции, «имеющей непрерывное существование и историю, превосходящую и пережившую своих индивидуальных членов» [Ibid., p. 6]. Несмотря на это отличие, лидеры популизма склонны «эксплуатировать неоднозначность, в соответствии с которой “народ” сначала понимается как противоположность власти имущим (и значит, как нечто меньшее, чем население в целом), а затем такое понимание разрастается до представления о суверенном народе, обладающем властью как единое целое» [Canovan 2005, p. 5].

Однако это не означает, что такого понятия, как суверенный народ, не существует. Суверенный народ, рассматриваемый как «революционный»¹⁸, проявил себя как «эпизодически действующее сообщество». Он появлялся в нескольких (хотя и редких) случаях «на публичной сцене крупномасштабных событий», когда отдельные граждане государства были мобилизованы для совместных действий, «сознательно объединившись как народ, и действовали как коллективное целое» ([Canovan 2005, p. 121]. См. также: [Canovan 2004, p. 251]). В 1848 году Пьер-Жозеф Прудон отметил, что поскольку народ отличается мистическим существованием и проявляет себя только в определенные промежутки времени, «он (народ) в силу этого не является призраком, и когда он восстает, никто не может его игнорировать»¹⁹. Конечно, Прудон ссылаясь на события 14 июля 1789 года, 10 августа 1792 года и 1830 года во Франции. Другие могут добавить и иные масштабные исторические события, такие как революции 1989 года в Восточной Европе и «Арабская весна». Возможно, в этот список нужно включить и недавние события, например протесты в Ливане в 2019–2020 годах, во время которых протестанты из различных религиозных и общественных сообществ объединились против правящей элиты страны как «единый народ» [“The people are one” 2019]. Даже в случае массовой мобилизации и революции трудно точно определить, считается ли данное движение достаточно широким, чтобы рассматриваться как демонстрация суверенного народа *в действии*, т. е. «объединенного народа, способного предпринимать коллективное действие» [Canovan 2005, p. 27]. Некоторые могли бы возразить, что суверенный народ просто не может быть воплощен в субъекте или теле, обладающем «волей» (см., например: [Habermas 1996, p. 469]).

Даже если мы принимаем предположение о существовании суверенного народа в действии, крайне сложно определить, приравнивается ли конкретное действие, совершенное конкретным народом в конкретное время, к коллективному действию объединенного народа. Например, Американская революция «полагалась на допущение (ясно изложенное в сборнике “Федералист”) о том, что “имелся объединенный народ,

¹⁸ См. выше раздел I данной статьи.

¹⁹ «У народа есть только мистическое существование; он проявляет себя лишь в редкие промежутки времени, в поворотные исторические эпохи! Но отсюда не следует, что народ является призраком, и когда он восстает, никто не может его игнорировать. Народ поднимался 14 июля, 10 августа, в 1830 году» (см.: Proudhon P.-J. *Solution du problème social* [1884] // Proudhon P.-J. *Œuvres complètes*. Paris : Éd. Marcel Rivière, 1929. P. 62 (цит. по: [Rosanvallon 1998, p. 61])).

способный на коллективное действие»» [Canovan 2005, p. 27]²⁰. На самом деле, в коллективном действии принимала участие только отдельная часть населения, главным образом «простые» белые мужчины. В то время как исход Американской революции, в особенности принятие американской конституции, казалось бы, «извиняет дерзость» предположения о том, что революция явилась результатом действия суверенного народа [Ibid.], остается вопрос, является ли такое предположение оправданным. Во всяком случае, как только в США воцарился конституционный порядок, сразу стало ясно, что суверенный народ в действии – тот, который начал революцию, – возвращен на свои прежние позиции в качестве «резервного суверена». Действительно, посредством образования республики²¹ и установления представительской демократии народ получил новое определение – «избиратели». Народ должен играть свою роль в управлении государством посредством выборов представителей и агентов, но при этом держаться на расстоянии [Ibid., p. 28]. С этого момента, хотя новое правительство и объявляется «народным правительством» – а не, например, правительством короля, – *активная* роль суверенного народа ограничивается избранием представителей, при этом предусматривается и *пассивная* роль «революционного» народа (или, в нашей терминологии, народа как *pouvoir constituant*), готового вмешаться, если разрыв между правительством и суверенным народом станет слишком вопиющим [Ibid., p. 29, 81].

Проблема популистской концепции народного суверенитета заключается в том, что она приписывает «высшую политическую власть "народу"», который каким-то образом умудряется быть одновременно группой конкретных людей, действующих в конкретном месте в конкретное время, и абстрактным коллективным образованием, жизнь которого выходит за рамки этих ограничений» [Canovan 2005, p. 91–92]. На самом деле проблематично, может ли народ, понимаемый как совокупность конкретных людей в конкретном месте и времени, говорить и действовать от имени более крупного, всеобъемлющего и вечного *народа-как-целого*. Конечно, расплывчатая и неоднозначная природа понятия «народ» обуславливает его политическую полезность для популистов; «подхваченное в разное время множеством различных политических движений, оно становилось гибким, чтобы соответствовать их различным формам» [Ibid., p. 3].

Короче говоря, концепция суверенного народа, вероятно, слишком неоднозначна для институционализации суверена в правовом смысле [Canovan 2005, p. 121]. По словам Маргарет Канован, на практике существует значительный «разрыв между *случайными* проявлениями того, что можно с полным основанием считать суверенным народом, и регулярной институционализацией, необходимой понятию активного суверенитета» [Ibid., p. 108]. В действительности, после установления конституционного порядка более *активная* роль народа переходит к представительству и институтам – законодательной, исполнительной и судебной властям, учрежденным и разработанным в конституционных и институциональных рамках государства. В свете этого можно утверждать, что правовой суверенитет принадлежит не «народу», как утверждают многие популистские лидеры, и не таким институтам, как парламент, а скорее политическим отношениям, возникающим между народом и государством [Loughlin 2003, p. 83].

Заключение

Целью этой статьи было выявить и объяснить определяющие черты «идеально-типического» популистского дискурса с позиции либерального конституционализма, особенно в той части, которая относится к народному суверенитету и концепту «народ». Мы утверждаем, что популизм имеет две основные характеристики, соотносящиеся с этими двумя ключевыми понятиями. Во-первых, популизм использует неоднозначную

²⁰ Здесь М. Канован ссылается на работу: Hamilton A., Jay J., Madison J. The Federalist: a Commentary on the Constitution of the United States. London : T. Fisher Unwin, 1886. P. 135, 552.

²¹ См.: Madison J. “Federalist No. 14: Objections to the Proposed Constitution From Extent of Territory Answered” (1787), где обсуждается осуществление власти в республике – в частности, через представителей и «агентов» народа.

природу понятия «народ». Во-вторых, он продвигает концепцию «народа» как субъекта, стоящего над законом, или *populus legibus solutus est* (народ не связан законами. – лат.), который, как таковой, в конечном итоге не может быть связан правовыми, конституционными или институциональными ограничениями. Как следует из вышесказанного, существует несоответствие между *идеей* народного суверенитета, понимаемой как желаемый идеал, и ее *реализацией* на практике. Соответственно, делается вывод о том, что в популистском понятии «народ» не признаются различия между временным большинством (как субъектом избирательного процесса) и его представителями как *pouvoir constitué* (учрежденная власть. – фр.), с одной стороны, и народом как *pouvoir constituant* – с другой. Верно, что народ как *pouvoir constituant* действительно может учреждать и принимать конституцию. Однако, вопреки популистскому утверждению, местоположение суверенитета, в конечном счете, не находится ни в народе как множестве (или преходящем большинстве), ни в сформированных на основе конституции органах власти: он находится, согласно отдельным утверждениям, в самих отношениях, установившихся между ними [Loughlin 2014, p. 231].

Список источников²²

- Abts K., Rummens S. Populism versus Democracy // Political Studies. 2007. Vol. 55, no. 2. P. 405–424.
- Arato A. Political Theology and Populism // The Promise and Perils of Populism: Global Perspectives / ed. by C. de la Torre. Lexington, KY : University Press of Kentucky, 2014. P. 31–58.
- Arendt H. The Human Condition. Chicago, IL : Chicago University Press, 1958. 332 p.
- Beer S. The people have spoken': Theresa May issues warning to MPs as she takes axe to EU laws // Express. 2016. 2 October. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/716723/Theresa-May-Article-50-Brexit-Great-Repeal-Act>.
- Blokker P. Populism as a Constitutional Project // International Journal of Constitutional Law. 2019. Vol. 17, Issue 2. P. 536–553. DOI 10.1093/icon/moz028.
- Bolivia (Plurinational State of)'s Constitution of 2009. Oxford : Oxford University Press, 2018. 96 p. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bolivia_2009.pdf.
- Canovan M. Populism for Political Theorists? // Journal of Political Ideologies. 2004. Vol. 9, Issue 3. P. 241–252. DOI 10.1080/1356931042000263500.
- Canovan M. The People. Cambridge, UK : Polity Press, 2005. 161 p.
- Corrias L. Populism in a Constitutional Key: Constituent Power, Popular Sovereignty and Constitutional Identity // European Constitutional Law Review. 2016. Vol. 12, Issue 1. P. 6–26. DOI 10.1017/S1574019616000031.
- Habermas J. Popular Sovereignty as Procedure // Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA : MIT Press, 1996. P. 469.
- Hamilton A., Jay J., Madison J. The Federalist: a Commentary on the Constitution of the United States. London : T. Fisher Unwin, 1886.
- Holmes S. Passions and Constraint: on the Theory of Liberal Democracy. Chicago, IL : Chicago University Press, 1995. 350 p.
- Jackson R. Sovereignty: The Evolution of an Idea. Cambridge : Polity, 2013. 200 p.
- Jaume L. Le nom du peuple dans la Révolution française et sa représentation politique // Cahiers du CEVIPOF. 2014. No. 57. P. 43–51.
- Kaltwasser C. R. Explaining the Emergence of Populism // The Promise and Perils of Populism: Global Perspectives / ed. by C. de la Torre. Lexington, KY : University Press of Kentucky, 2014. P. 189–228.

²² Библиографические описания дополнены и оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» (примеч. редакции).

- Kim S. Hungary before the Elections: Understanding the Hegemony Project of Fidesz // WZB Democracy Blog. 2018. 6 April. URL: https://democracy.blog.wzb.eu/2018/04/06/hungary-before-the-elections-understanding-the-hegemony-project-of-fidesz/#_edn3.
- Krastev I. Eastern Europe Illiberal Revolution: The Long Road to Democratic Decline // Foreign Affairs. 2018. 16 April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/hungary/2018-04-16/eastern-europes-illiberal-revolution?cid=int-now&pgtype=hpg®ion=br2>.
- Laclau E. On Populist Reason. London : Verso, 2007. 276 p.
- Laclau E. Populism: What's in a Name? // Populism and the Mirror of Democracy / ed. by F. Panizza. London ; New York, NY : Verso, 2005. P. 32–49.
- Lefort C. Democracy and Political Theory. Cambridge : Polity, 1988. viii, 295 p.
- Lefort C. The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism. Cambridge : Polity, 1986. 342 p.
- Locke J. Second Treatise of Government and A Letter Concerning Toleration [1689]. Oxford : Oxford University Press, 2016. 256 p.
- Loughlin M. The concept of constituent power // European Journal of Political Theory. 2014. Vol. 13, Issue 2. P. 218–237. DOI 10.1177/14748851134887.
- Loughlin M. The Idea of Public Law. Oxford : Oxford University Press, 2003. 188 p.
- Ludis J. B. Us v Them: the Birth of Populism // The Guardian. 2016. 13 October.
- Mény Y., Surel Y. The Constitutive Ambiguity of Populism // Mény Y., Surel Y., Democracies and the Populist Challenge. London : Palgrave MacMillan, 2002. P. 6.
- Michelet J. Le Peuple [1846]. Paris : Flammarion, 1974.
- Morgan E. S. Inventing the People: The Rise of Popular Sovereignty in England and America. New York, NY : Norton, 1989. 318 p.
- Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. Vol. 39, Issue 4. P. 541–563. DOI 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
- Mudde C., Kaltwasser C. R. Populism: A Very Short Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2017. 136 p.
- Müller J.-W. Populism and Constitutionalism // The Oxford Handbook of Populism / ed. by C. R. Kaltwasser, P. A. Taggart, P. Ochoa Espejo, P. Ostiguy. Oxford : Oxford University Press, 2017. P. 590–606.
- Müller J.-W. The People Must Be Extracted from Within the People: Reflections on Populism // Constellations. 2014. Vol. 24, no. 1. P. 483–493. DOI 10.1111/1467-8675.12126.
- Müller J.-W. What is Populism? London : Penguin, 2017. 160 p.
- Ochoa Espejo P. Power to Whom? The People between Procedure and Populism // The Promise and Perils of Populism: Global Perspectives / ed. by C. de la Torre. Lexington, KY : University Press of Kentucky, 2014. P. 59–90.
- Paine Th. The Rights of Man [1791]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/p/paine/thomas/p147r/chapter3.html>.
- Panizza F. Populism, Social Democracy and the Tale of the 'Two Lefts' in Latin America // Conceptualising Comparative Politics / ed. by A. P. Spanakos, F. Panizza. New York, NY : Routledge, 2016. P. 192–214.
- Panizza F. What is contested and what is not in the debate about populism // Populism: Left, Right and Center : LSE Graduate Student Conference, 2017, 3 November. London, 2017. P. 6, 22.
- Riofrancos Th. Democracy Without the People: What if populism is not the problem, but the solution? // N+1. 2017. 6 February. URL: <https://nplusonemag.com/online-only/online-only/democracywithout-the-people/#rf1-8619>.
- Rosanvallon P. Democracy Past and Future. New York, NY : Columbia University Press, 2006. ix, 294 p.
- Rosanvallon P. Le Peuple introuvable: Histoire de la représentation démocratique en France. Paris : Gallimard, 1998. 384 p.
- Rosanvallon P. Penser le populisme // La Vie des idées. 2011. 27 September. URL: <http://www.laviedesidees.fr/Penser-le-populisme.html>.
- Rousseau J.-J. On the Social Contract, or Principles of Political Right [1762] // Rousseau J.-J. The Basic Political Writings. Indianapolis, IN : Hackett, 1986. P. 139, 153–155.

- Schmitt C. The Crisis of Parliamentary Democracy [1923]. Cambridge, MA : MIT Press, 2000. URL: <http://cnqzu.com/library/Politics/131214840-Carl-Schmitt.pdf>.
- Schmitt C. The Liberal Rule of Law [1928] // Weimar: A Jurisprudence of Crisis / ed. by A. J. Jacobson, B. Schlink. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2000. P. 294–300.
- Scislowska M., Gera V. Polish Govt Gets More Power Over the Courts, Defying EU // US News. 2017. 8 December. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2017-12-08/polands-outgoing-pm-vows-to-keep-serving-populist-govt>.
- Steinbeis M. Competitors for the Majority // Verfassungsblog. 2019. 8 November. URL: <https://verfassungsblog.de/competitors-for-the-majority/>.
- “The people are one”: Lebanese unite against political elite // Aljazeera. 2019. 21 October. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/10/lebanon-protesters-streets-gov-leave-191020171622869.html>.
- The United Kingdom’s exit from and new partnership with the European Union : White Paper presented to Parliament by the Prime Minister // Government of the United Kingdom. 2017. 2 February. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/589191/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Web.pdf at 3.
- Venezuela (Bolivarian Republic of)’s Constitution of 1999 with Amendments through 2009. Oxford : Oxford University Press, 2017. 85 p. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Venezuela_2009.pdf?lang=en.
- Weale A. The Will of the People: A Modern Myth. Cambridge : Polity, 2018. 120 p.

Информация об авторе

Рафаэль Жирар, PhD, преподаватель Колледжа социальных наук и международных исследований, Университет Эксетера (Эксетер, Великобритания).

Information about the author

Raphaël Girard, PhD, Lecturer in Law at the University of Exeter Law School, College of Social Sciences and International Studies (Exeter, Great Britain).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 17.04.2023.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 16.05.2023.